

**«ЕХАТЬ ТЕБЕ В СИБИРЬ И ТАМ
РОЗЫСКАТЬ О ХУДЫХ ПОСТУПКАХ...
ГАГАРИНА»: И. М. ЛИХАРЕВ**

Имя Ивана Михайловича Лихарева памятно ныне разве что краеведам, знатокам истории Архангельской и Воронежской областей России, а также Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Наиболее известным на сегодня деянием Ивана Михайловича является основание им в 1720 году города Усть-Каменогорска, нынешнего административного центра Восточно-Казахстанской области. Между тем за свою не очень долгую жизнь Иван Лихарев успел проявить себя не только как военный деятель, администратор и первопроходец, но и как следователь.

Иван Михайлович Лихарев принадлежал к незнатной и небогатой (хотя и весьма разветвленной) дворянской фамилии, родоначальником которой считался выходец из Золотой Орды Бахты-Хози, который в конце XIV века вместе с двумя братьями выехал на службу к великому князю московскому Василию I Дмитриевичу, принял православие и стал прозываться Иван Лихарь. В XVI—XVII веках представители рода Лихаревых занимали должности преимущественно в региональном звене государственного аппарата.

Иван Лихарев родился 8 февраля 1676 года в семье стольника М. О. Лихарева⁵⁴², впоследствии воеводы города Романова*. Первые 24 года жизни будущего основателя Усть-Каменогорска оказались никак не освещены в документах, введенных доньше в научный оборот. Достоверно известно лишь, что в отличие от отца Иван Михайлович не сумел попасть в ряды наиболее привилегированной части дворянства, так называемых «царедворцев», не получив даже низшего чина «жильца»⁵⁴³.

Судя по всему, в раннем возрасте Иван Лихарев прошел серьезное обучение грамоте. Как видно из сохранившихся автографов Ивана Михайловича, он обладал очевидными навыками «быстрописания», причем в его почерке заметны элементы графики XVII века.

* Ныне город Тутаев, административный центр одноименного района Ярославской области.

Согласно архивному документу, служба Ивана Лихарева началась в 1700 году, когда он поступил рядовым в гвардии Семеновский полк⁵⁴⁴. Не исключено, что на выбор полка повлияло то обстоятельство, что в нем тогда служил еще один представитель рода Лихаревых — Федор*. 11 октября 1702 года гвардии поручик Федор Лихарев пал смертью храбрых при кровопролитном штурме шведской крепости Нотебург⁵⁴⁵. В 1704 году в солдаты в Семеновский полк был также зачислен младший брат И. М. Лихарева Василий, 1681 или 1683 года рождения⁵⁴⁶.

Как засвидетельствовал сам Иван Лихарев в челобитной от марта 1721 года, с Семеновским полком он прошел все кампании Великой Северной войны, а также Прутский поход: «И во все время службы моей во всех походах и баталиях при полку был безотлучно...»⁵⁴⁷ В составе полка И. М. Лихареву довелось также, по всей очевидности, присутствовать на закладке 16 мая 1703 года на бывшем шведском острове Люст-эйланд крепости святого Петра — то есть при основании Санкт-Петербурга⁵⁴⁸.

Судя по динамике чинопроизводства, воевал Иван Михайлович достойно: быстро получил чин поручика, а уже в 1707 году был произведен в капитаны и стал командиром одной из рот Семеновского полка⁵⁴⁹. Вместе со старшим братом фронтовыми дорогами с Семеновским полком прошел и Василий Лихарев, удостоенный в 1707 году первого офицерского чина прапорщика, в 1710-м ставший гвардии подпоручиком, а в 1712 году — гвардии поручиком⁵⁵⁰.

Определение Ивана Лихарева к «розыскным делам» произошло в 1717 году. Началось с того, что 11 ноября этого года капитан И. М. Лихарев был (в числе пяти офицеров-семеновцев) вызван Петром I из Пскова, где полк предполагалось дислоцировать на зимние квартиры, в Санкт-Петербург^{550а}.

Для начала Иван Михайлович был, по всей вероятности, включен в состав уже упоминавшегося военного суда, учрежденного царем для рассмотрения уголовного дела по обвинению руководителя первой в российской истории следственной канцелярии майора Семеновского полка князя М. И. Волконского в преступлениях против интересов службы. Как известно, суд приговорил Михаила Волконского к смертной казни с конфискацией имущества.

* Степень родства И. М. Лихарева с Федором Лихаревым установить к настоящему времени не удалось, но они определенно не являлись родными братьями.

Имеются основания полагать, что Ивану Михайловичу (как и другим офицерам гвардии) довелось присутствовать на приведении приговора в исполнение, которое состоялось 9 декабря 1717 года на Троицкой площади новой столицы. Кто бы знал, какие чувства испытал Иван Михайлович, глядя, как расстрельная команда наводит ружья и дает залп в упор по его многолетнему сослуживцу...

Между тем процесс над М. И. Волконским еще не завершился, когда Петр I назначил Ивана Лихарева ассессором в состав одной из проектируемых новых «майорских» следственных канцелярий. Возглавил эту канцелярию батальонный командир Семеновского полка майор И. И. Дмитриев-Мамонов, а ассессорами, помимо Ивана Михайловича, стали еще один «семеновец» — поручик И. И. Бибииков и капитан Преображенского полка Е. И. Пашков.

Формальное основание следственной канцелярии ведения Ивана Дмитриева-Мамонова, а также еще пяти аналогичных канцелярий, состоялось 9 декабря 1717 года, в самый день расстрела бывшего гвардии майора М. И. Волконского. В производство канцелярии царь направил резонансные уголовные дела по обвинению нескольких высших должностных лиц в совершении преступлений против интересов службы. Среди подследственных И. М. Лихарева оказались сенатор князь Я. Ф. Долгоруков, сенатор граф П. М. Апраксин, глава Мундирной канцелярии М. А. Головин, сибирский губернатор князь М. П. Гагарин^{550б}.

1718 год принес Ивану Михайловичу долгожданное повышение в чине: он был произведен в гвардии майоры^{550в}. В том же году он был включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела отрекшегося от прав на престол царевича Алексея Петровича. На приговоре царевича к смертной казни^{550г} подпись И. М. Лихарева стоит 51-й по счету.

Благодаря новому чину и должности ассессора следственной канцелярии, И. М. Лихарев стал вполне заметной фигурой в чиновном мире Санкт-Петербурга. Именно с 1718 года его участие в мероприятиях, на которых присутствовал генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков, начало отмечаться в повседневных записках («журналах»), которые велись в секретариате Александра Даниловича^{550д}.

Что касается работы канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова, то крупнейшим из расследовавшихся ею уголовных дел оказалось «сибирское», фигурантами которого

стала группа сибирских администраторов во главе с губернатором Матвеем Гагариным. Не случайно уже в 1719 году в правительственном делопроизводстве канцелярия начала время от времени именоваться «Сибирской канцелярией».

Приняв во внимание удаленность территории, на которой было необходимо осуществить значительный объем следственных действий по «сибирскому делу», Петр I пришел к выводу о необходимости направить в регион представителя следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова. 3 июня 1718 года для проведения допросов «разных чинов людей» в Сибирскую губернию был командирован новый ассессор канцелярии гвардии капитан-поручик А. Г. Шамордин^{550е}.

Согласно архивному документу, Авраам Шамордин поступил на военную службу в 1700 году, в один год с Иваном Михайловичем. В 1714-м был переведен в Семеновский полк⁵⁵¹. К моменту назначения в следственную канцелярию он прошел достойный боевой путь. Как писал сам Авраам Григорьевич в позднейшей челобитной, «был во время Шведской войны во многих сухопутных и морских походах на галерном и корабельном флотах, при атаке неприятельских городов и на штурмах... и в разных акциях и полевых баталиях»⁵⁵².

Однако несмотря на боевые заслуги А. Г. Шамордина, в 1719 году глава государства решил, по всей видимости, что масштаб расследования требует присутствия в Сибирской губернии более опытного и энергичного офицера. На этот раз Петр I остановил свой выбор на И. М. Лихареве.

Соответствующий указ был подписан царем 18 января 1719 года⁵⁵³. Первые строки «Указа мазору от гвардии господину Лихареву» гласили: «Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина о всем... подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого, но как доброму и честному афицеру надлежит».

Наряду с этим Ивану Михайловичу поручалось совершить экспедицию в верховья Иртыша и на озеро Зайсан, проверить сведения о наличии там месторождений золота, основать близ озера крепость, а заодно выяснить причины неудачи прежней экспедиции, которую возглавлял подполковник И. Д. Бухгольц. Со своей стороны Иван Лихарев обратился к царю с рядом просьб и вопросов по организации как следствия, так и экспедиции⁵⁵⁴. Во исполнение этих просьб 31 января 1719 года был издан особый сенатский указ⁵⁵⁵.

Выехав из Санкт-Петербурга в феврале 1719 года, гвардии майор И. М. Лихарев вернулся в столицу только в декабре 1720-го⁵⁵⁶. В части проведения экспедиции Иван Лихарев сумел выполнить царское поручение в полном объеме. Золота, правда, отыскать не удалось*, но была осуществлена разведка и военно-топографическая съемка огромной территории, установлены причины провала экспедиции И. Д. Бухгольца, основана крепость Усть-Каменогорск⁵⁵⁷, проинспектированы и усилены гарнизоны Омска и Семипалатинска.

В январе 1755 года один из участников экспедиции А. А. Зыбин, служивший в 1720 году прапорщиком в гарнизоне Семипалатинска, так вспоминал о событиях четвертьвековой давности: «Прибыл к ним во оную Семиполатную крепость... гвардии маэор Иван Михайлов сын Лихарев для осмотра и свидетельства... вновь построенных крепостей и в них состоящих военных полков. <...> Который, по усмотрению своему, набрав штап- и обор-афицеров, в том числе и ево, Зыбина, и рядовых баталион, с которым и следовали... водяным путем вверх по реке Иртышу на лехких судах, по тамошнему званию “зайсанскими лотками”. ...И дошел до места, называемого Усть-Каменогорского, и тут положением помянутого маэора Лихарева крепость земленую... с надлежащим укреплением построили»⁵⁵⁸.

Не менее успешно Иван Михайлович справился и с задачей по расследованию криминальных деяний сибирских администраторов. Как явствует из сохранившегося в архиве пространного «Реэстра дел на губернатора», направленного Иваном Михайловичем в сентябре 1719 года непосредственно Петру I**, к тому времени он сумел собрать

* О тщательности сбора Иваном Михайловичем сведений о месторождениях золота свидетельствует тот факт, что уже к сентябрю 1719 года он опросил в Тобольске по этому поводу 86 «разных чинов людей».

** В период сибирской командировки в части ведения следствия Иван Лихарев находился фактически в двойном подчинении — царя и своего непосредственного начальника И. И. Дмитриева-Мамонова. Соответственно и отчитывался Иван Михайлович параллельно перед ними обоими. Разница состояла в том, что в следственную канцелярию он направлял развернутые «выписки» о выявленных криминальных деяниях местных администраторов, а главе государства — реэстры этих «выписок». Материалы, направленные Иваном Лихаревым в следственную канцелярию, погибли в составе всего ее делопроизводства при пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года. А вот документы, отложившиеся в царском Кабинете, благополучно сохранились до наших дней в полном объеме.

доказательства, изобличавшие М. П. Гагарина в тридцати пяти эпизодах получения взяток, казнокрадства и злоупотребления должностными полномочиями.

В частности, было установлено, что комендант города Тары* передал губернатору пять пудов (!) серебра, «чтоб был к нему милостив» (выражаясь по-современному, за общее покровительство), а тобольский предприниматель Леонтий Зверев — гигантскую по тем временам сумму в 4000 рублей за получение винного откупа «бес торгу» (выражаясь по-современному, без проведения тендера). Вскрылось также, что комендант города Верхотурья потратил 500 рублей на оплату разъездов жены Матвея Гагарина, оформив затем эту сумму как расходы на транспортировку денежной казны⁵⁵⁹.

Наряду с этим Иван Лихарев выявил 15 эпизодов получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями обер-комендантом Тобольска С. П. Карповым, являвшимся в 1714—1719 годах фактическим заместителем губернатора. Так, Ивану Михайловичу удалось установить, что Семен Карпов занимался незаконной скупкой золота, получил от некоего «татарина Аблаяра» за закрытие возбужденного против него уголовного дела взятку в 150 рублей, покрывал взяточничество подьячего Филиппова⁵⁶⁰.

В декабре 1719 года И. М. Лихарев доложил царю еще о двенадцати выявленных им эпизодах криминальной деятельности бывшего сибирского губернатора и его подчиненных. В том числе Ивану Михайловичу удалось вскрыть эпизод вымогательства князем Матвеем Петровичем у солепромышленника Ивана Ростовщикова огромной взятки в размере десяти «коробок» золота и 500 рублей. В довершение всего солепромышленник оказался вынужден «подарить» 600 рублей также и двум слугам (!) губернатора⁵⁶¹.

Не имея возможности каждый раз лично осуществлять следственные действия, И. М. Лихарев регулярно поручал расследование некоторых эпизодов командированным с ним гвардейским солдатам и сержантам (образовавшим при Иване Михайловиче своего рода следственную бригаду). Например, гвардии рядовой П. С. Чернов был направлен для сбора сведений о злоупотреблениях должностных лиц Исетского острога**.

* Ныне административный центр одноименного района Омской области.

** Ныне село Исетск, административный центр одноименного района Тюменской области.

Исполняя распоряжение гвардии майора, Петр Чернов совершил объезд четырех крестьянских слобод, подведомственных острогу. Прибыв на место, гвардеец созывал мирской сход, где объявлял «великого государя указ о бывшем губернаторе князе Гагарине и о худых его поступках», после чего начинал сбор жалоб от населения.

Ничего не сообщив о противоправных деяниях губернатора, крестьяне немало рассказали солдату о «взятках и обидах» от местных управителей. П. С. Чернов собрал сведения о вымогательстве исетскими комендантами с крестьян взяток только за 1712—1718 годы в размере 517 рублей, а также пятнадцати быков и коров. В свою очередь, подьячие, направлявшиеся комендантами с различными поручениями в слободы, «вымучили» с крестьян за это же время еще 82 рубля и 35 баранов.

Не отставали от исетских администраторов и приказчики, непосредственно управлявшие слободами. Так, по данным, полученным гвардии рядовым, только в Киргинской слободе* приказчики путем вымогательства получили с крестьян в 1713—1718 годах 445 рублей и 800 четвертей хлеба⁵⁶². Поборы подобных масштабов имели закономерным последствием «всеконечное разорение» крестьянских хозяйств и подрыв их налоговой платежеспособности.

Петр I высоко оценил результаты сибирской поездки И. М. Лихарева. 21 октября 1721 года, в дни празднования в Санкт-Петербурге победы России в Северной войне, царь (принявший на следующий день императорский титул) собственноручно начертал: «Сказать чины: <...> маэору Лихареву — в брегадиры»⁵⁶³. Что касается Матвея Гагарина, для изобличения которого Иван Михайлович приложил столько усилий, то, как известно, он был отдан под суд Правительствующего сената, приговорен к смертной казни и публично повешен в Санкт-Петербурге 16 марта 1721 года.

Повышение в чине изменило положение И. М. Лихарева в следственной канцелярии: из ассессоров он становится ее руководителем — совместно с Иваном Дмитриевым-Мамоновым. С этого времени в официальном делопроизводстве канцелярия стала именоваться «Канцелярией ведения генерала-маэора и лейб-гвардии маэора господина Дмитриева-Мамонова да брегадира и лейб-гвардии маэора господина Лихарева с протчими афицеры»⁵⁶⁴. В 1722 году,

* Ныне село Кирга Ирбитского района Свердловской области.

в связи с убитием Ивана Дмитриева-Мамонова с частью батальонов Семеновского полка в Персидский поход, Иван Михайлович стал фактически единоличным главой канцелярии.

Поскольку в петровское время общепринятой практикой являлось вознаграждение следователей частью конфискованного имущества лиц, дела которых они расследовали, И. М. Лихарев взялся в 1723 году хлопотать о таком поощрении. Предметом просьбы Ивана Михайловича стали «отписные» деревни и дворы бывшего коменданта Томска Романа Траханиотова, об уголовном деле которого уже говорилось.

Как явствует из сохранившейся в архиве челобитной И. М. Лихарева от июня 1723 года, будучи заслуженным фронтовиком и потомственным дворянином, он имел в собственности всего лишь 33 крестьянских двора и не имел недвижимости ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге⁵⁶⁵. В свою очередь, избалованный «Сибирской канцелярией» в восьмидесяти четырех (!) эпизодах получения взяток и злоупотреблений должностными полномочиями Роман Траханиотов владел 263 крестьянскими дворами, четырьмя усадьбами домами и огромным домом в Москве. Еще 57 крестьянских дворов числились как приобретенные женой бывшего коменданта⁵⁶⁶.

Император не оставил без внимания просьбу Ивана Михайловича. На новой челобитной гвардии майора, поданной в январе 1724 года (в ней он между иного посетовал, что «против... мой братъи ничем не пожалован»), 2 февраля император Петр Великий начертал по нижнему полю: «Учинить по сему»⁵⁶⁷. В итоге И. М. Лихареву оказались пожалованы половина деревень умершего к тому времени Романа Траханиотова, а также его московский дом⁵⁶⁸.

К этому времени Иван Лихарев уже не руководил следственной канцелярией. Следственная деятельность бригадира формально завершилась в декабре 1723 года в связи с изданием именного указа о закрытии «майорских» канцелярий.

Последовавшее в январе 1725 года воцарение императрицы Екатерины I никак не поколебало положения И. М. Лихарева в правительственной среде. На состоявшемся 10 марта торжественном погребении Петра Великого гвардии майор Иван Лихарев был одним из офицеров, кто нес траурный балдахин над гробом первого императора⁵⁶⁹.

21 мая 1725 года И. М. Лихарев был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁵⁷⁰ (одновременно со своим многолетним полковым сослуживцем и недавним соратником по руководству «майорской» канцелярией И. И. Дмитриевым-Мамоновым)*. 1 января 1726 года Иван Михайлович был произведен в генерал-майоры, однако вскоре ему пришлось навсегда оставить военную службу.

20 декабря 1726 года Верховный тайный совет принял решение предложить Екатерине I кандидатуру И. М. Лихарева для определения на вакантную должность губернатора Воронежской губернии⁵⁷¹. А вот далее вокруг нового назначения Ивана Михайловича разгорелась бюрократическая интрига.

Согласно опубликованному архивному документу, уже на заседании Верховного тайного совета 11 января 1727 года кабинет-секретарь императрицы тайный советник А. В. Макаров (прежде одоббивший предложение об определении Ивана Лихарева в Воронеж) неожиданно выступил с новой инициативой: назначить Ивана Михайловича главой Архангельской губернии. Аргументация Алексея Макарова была более чем странной: по его мнению, И. М. Лихарев не подходил для работы в Воронеже, поскольку «губерния Воронежская... пограничная, а Лихарев человек увечной** и тяжелой верховой езды понести не может»⁵⁷².

Несмотря на очевидную малоубедительность довода кабинет-секретаря (для перемещения по вверенной территории губернатор мог в любой момент воспользоваться каретой или иным экипажем), Верховный тайный совет принял его во внимание и 23 февраля предложил императрице определить И. М. Лихарева губернатором Архангельской губернии. В ответ Екатерина I высказала соображение, что Ивана Михайловича можно было бы направить главой администрации в Белгород или Новгород⁵⁷³.

* Примечательно, что из пятнадцати российских государственных и военных деятелей, ставших 21 мая 1725 года первыми кавалерами ордена Святого Александра Невского, пятеро являлись недавними руководителями «майорских» следственных канцелярий. Еще один бывший руководитель «майорской» канцелярии, М. А. Матюшкин, был пожалован в кавалеры ордена 30 июня 1725 года.

** Какой именно физический недостаток Ивана Лихарева имел в виду А. В. Макаров, неясно. Тем более что фронтовых ранений Иван Михайлович не имел.

Итогом этих бюрократических зигзагов, причины которых так и остались непроясненными*, явилось издание именного указа от 28 февраля о назначении Ивана Лихарева губернатором Воронежской губернии⁵⁷⁴. Полторы недели спустя, 11 марта, Иван Михайлович был произведен в генерал-лейтенанты⁵⁷⁵.

Судя по всему, отнюдь не горевший желанием приступить к губернаторским обязанностям И. М. Лихарев прибыл в Воронеж только в конце июня 1727 года.

О деятельности Ивана Михайловича в Воронежской губернии известно, в частности, что он выступил с инициативой осуществить полномасштабную проверку показаний арестованного дезертира Василия Серого, поведавшего о намерении части донских казаков уйти за рубеж, об изготовлении ими фальшивых денег, а также о продаже туркам в Азов «донскими ж есаулами и казаками российских мужского и женского пола людей и пороха, и свинца»⁵⁷⁶. Впрочем, пребывание Ивана Лихарева в Воронеже не затянулось.

Уже 11 сентября 1727 года состоялся указ нового императора Петра II о переводе Ивана Лихарева губернатором в Архангельск, а архангельского губернатора И. П. Измайлова — в Воронеж⁵⁷⁷. При этом «перемениться» губернаторам предписывалось отчего-то только в декабре. Какое именно могущественное лицо довело-таки до конца интригу с отправлением Ивана Михайловича поближе к полярному кругу, остается только гадать.

Как бы то ни было, но в конце декабря 1727 года Иван Лихарев покинул Воронеж и 18 июня 1728 года прибыл в Архангельск⁵⁷⁸. Там Иван Михайлович «заскорбел» и 20 декабря скончался на 52-м году жизни.

На следующий день его вдова Евдокия Степановна направила с нарочным личное письмо члену Верховного

* Согласно версии воронежского историка Н. А. Комолова, инициатором интриги выступил президент Коммерц-коллегии барон П. П. Шафиров, якобы стремившийся отомстить Ивану Михайловичу за его руководство расследованием «сибирского дела» (в результате чего пострадали имущественные интересы дочери Петра Шафирова Анны, невестки М. П. Гагарина). Версия эта представляется, однако, малоубедительной: с одной стороны, бюрократическое влияние Петра Шафирова было в начале 1727 года совсем невелико, а с другой — с тем же основанием Петр Павлович мог бы досаждать и остальным следователям, которые вели «сибирское дело». Между тем карьеры ни И. И. Дмитриева-Мамонова, ни Е. И. Пашкова, ни А. Г. Шаморина никак не пострадали.

тайного совета барону А. И. Остерману с просьбой разрешить перевезти тело мужа для захоронения в Москву⁵⁷⁹. Такое разрешение было получено 31 декабря лично от императора⁵⁸⁰.

8 февраля 1729 года тело генерал-лейтенанта И. М. Лихарева было погребено в самом центре Москвы, в паперти Сергиевской церкви Знаменского монастыря в Зарядье⁵⁸¹. В 1923 году монастырь был закрыт, а его помещения переданы под жилье. В начале 1960-х годов часть монастырских зданий, включая Сергиевскую церковь, была снесена при подготовке к строительству гостиницы «Россия» (в свою очередь, разобранной в 2006 году).

Так оказалось утрачено захоронение Ивана Михайловича Лихарева — воина, следователя, первопроходца.

В 1990 году в Усть-Каменогорске установлен памятник И. М. Лихареву.